

УДК 781.5

*А. Перепелица***ИСТОКИ ЖАНРА «ДИПТИХ» В ЭВОЛЮЦИИ
ДВУХЧАСТНОЙ ФОРМЫ**

Автор рассматривает истоки жанра «диптих» в эволюции двухчастной формы. В статье говорится о том, что двухчастная форма исторически явилась предшественницей сонатной формы, неся в себе контрастное сопоставление образных сфер частей. Критерием разграничения контрастно-составной и сложной двухчастной формы становится степень независимости частей, их способность к самостоятельному существованию. В контрастно-составной форме — сколь бы последовательной и слитной она ни была — на первый план выступает самостоятельность контрастных составных частей, их автономность, достаточная взаимозависимость. В сложной же форме — сколь бы она ни была внутренне контрастна и многосоставна — доминирует единство, цельность, соподчиненность и связь частей. Искусствоведческому анализу подвергаются как музыкальные, так и поэтические произведения.

Ключевые слова: *инструментальный диптих, двухчастная форма, литературный образ, жанровая программа, интертекстуальный и мифопоэтический анализ.*

Для инструментального диптиха характерно сопоставление двух контрастных частей. Однако важную роль в формообразовании имеют черты других форм (особенно сонатности, а также репризной трехчастности), что будет видно при анализе конкретных музыкальных примеров. Первоначально выявим закономерности формообразования в диптихе, проследив его истоки в эволюции двухчастной формы.

По возрастанию сложности структуры двухчастность можно классифицировать следующим образом:

- простая двухчастная форма;
- сложная двухчастная форма;
- контрастно-составная двухчастная форма;
- двухчастный цикл.

Однако все эти разновидности объединяет общий признак: неравновешенность двухчастности не способствует созданию единства целого. Поэтому требуются дополнительные факторы. Таким фактором часто выступает текст. Этим объясняется большее распространение двухчастной формы в вокальной музыке и немногочисленность инструментальных образцов.

В. А. Цуккерман следующим образом определяет значение сложной двухчастной формы в истории музыки: «Сложная двухчастная форма не нашла себе «жанрового пристанища» — жанра, для которого она стала бы типичной. Вероятно, поэтому и образцов ее не слишком много. Но она оказывается пригодной для решения очень разных художественных задач в музыке весьма широкого жанрового круга и исторической дистанции» [6, с. 104].

Анализируя простую двухчастную форму, Пенчо Стоянов в книге «Взаимодействие музыкальных форм» делает следующие выводы: «В репризной простой двухчастной форме зарождается тематический контраст, который, в конечном счете, является предвестником резко выраженных противопоставлений в системах высших типов, в том числе — сонатной форме. В связи с этим становится правдоподобным утверждение о возможности сближения простой двухчастной формы с сонатной. В современной науке о строении музыкальных произведений известно множество разновидностей последней. Некоторые из них имеют такие внутренние соотношения, которые близки другим формам. Одна из них — старинная двухчастная, приведшая впоследствии к старинной сонатной форме. В них обеих развитие проходит в двух стадиях, расположение центров обнаруживает сходство с простой двухчастной структурой репризного типа» [5, с. 74].

Один из образцов сложной двухчастной формы находим в некоторых увертюрах Ж. Б. Люлли и его последователей. Так называемая французская увертюра характеризуется в монографии В. Конен «Театр и симфония» следующим образом: «...идея упорядоченного контраста воплощена в предельно заостренном противопоставлении двух частей... где сталкиваются гомофонный и полифонический стили, медленный и быстрый темпы, массивное звучание *tutti* и дифференцированные линии струнных, *forte* и *piano* и т. п.» [4, с. 288]. Не случайно к сонатной форме «тянутся преемственные нити от французской увертюры» [там же].

Таким образом, можно говорить о том, что двухчастная форма исторически явилась предшественницей сонатной формы, неся в себе контрастное сопоставление образных сфер частей. Критерием разграничения контрастно-составной и сложной двухчастной формы для В. Цуккермана становится «степень независимости частей, их способность к самостоятельному существованию» [6, с. 93]. И там же: «В контрастно-составной форме — сколь бы последовательной и слитной она ни была — на первый план выступает самостоятельность

контрастных составных частей, их автономность, достаточная взаимонезависимость. В сложной же форме — сколь бы она ни была внутренне контрастна и многосоставна — доминирует единство, цельность, соподчиненность и связь частей» [6, с. 93].

Уже романтики стали значительно преобразовывать сложившиеся в классическую эпоху музыкальные формы. Одним из видов такого преобразования стал лейтмотивный принцип объединения всех частей сонатно-симфонического цикла и, как следствие, сжатие его в одночастность (например, фантазия-соната для фортепиано № 1 «По прочтении Данте» Ф. Листа). Но как промежуточные явления возникали и двухчастные циклы, связь частей в которых позволяет говорить в них о контрастно-составной двухчастной форме.

Наиболее органично двухчастная составная форма воплотилась в «Неоконченной симфонии» Ф. Шуберта, которую современники даже называли «всадник без головы». Яркий образец двухчастного цикла находим в сонате № 2 ор. № 19 А. Скрябина, которую он назвал «Соната-фантазия». Интересно, что в творчестве композитора обнаружилась более ранняя предшественница — юношеская соната-фантазия (1886), которая близка первой по тематизму и по типу развития, написана в той же тональности и также двухчастна. Эта форма не стала исключением и в творчестве Ф. Листа (Данте-симфония). Интересно, что в данных произведениях присутствует высказанная или невысказанная программность.

Из вышесказанного видно, что хотя двухчастная форма и не заняла ведущих позиций в композиторском творчестве, однако сыграла значительную роль в мировой композиторской «лаборатории». С одной стороны, она явилась истоком формирования сонатной формы в XVII–XVIII веках, а с другой — одним из путей трансформации сонатно-симфонического цикла у романтиков. Данное положение демонстрирует закономерность обращения современных композиторов к двухчастности как к попытке создания качественно новой формы. Причем если контрастная двухчастность французской увертюры явилась первым шагом к сонатной форме, то двухчастность диптиха — это уже попытка создания убедительного контрастного образа без использования последней.

В этой связи интересна аналогия с литературными жанровыми трансформациями в XX веке. Сонатную форму по ее смысловой нагруженности и логике развития часто сравнивают с литературным жанром романа. Не случайно в период становления и расцвета со-

натной формы в музыке (XVIII–XIX вв.) в литературе оказывается ведущим жанром романа. Какие же его жанровые трансформации наблюдаются в XX веке? В художественной практике французских писателей-поставангардистов 1950–1970-х годов возникает жанр «антиромана». Лидером в данном направлении и основным идеологом «нового романа» является А. Роб-Грийе, строй прозы которого часто называют загадочным и непонятным, несмотря на внешнюю упрощенность и обезличенность, и к характеристике творчества которого применяют устойчивое выражение «романы-лабиринты Роб-Грийе». Несмотря на то, что в «антиромане» жанровые признаки романа налицо, виден и новый подход к субъекту и окружающей его действительности. То, что по своей сути это романский жанр, — очевидно, так как предметом изображения выступает современная действительность. (Мы опираемся на методологию исследования романа, предложенную М. Бахтиным в работе «Эпос и роман»). «Роман соприкасается со стихией незавершенного настоящего, что и не дает этому жанру застыть...» — пишет Бахтин [1, с. 470]. Как одну из отличительных черт жанра романа Бахтин выделяет «новую зону построения литературного образа, а именно зону максимального контакта с настоящим (современностью в его незавершенности)» [1, с. 455]. И далее: «У романа новая, специфическая проблемность; для него характерно вечное переосмысление — переоценка. Центр осмысливающей и оправдывающей прошлое активности переносится в будущее» [1, с. 473].

В «антиромане» также «зона построения литературного образа» (Бахтин) — настоящее, но это уже не тесный контакт с действительностью, а как бы параллельный мир. То есть внешнее пространство реальности и внутреннее пространство героя показаны не во взаимодействии, а как бы на расстоянии. Таким образом, можно сделать вывод, что «романная эпоха» не оканчивается «антироманом», но роман претерпевает трансформацию.

Интересно также проследить развитие жанра диптиха в поэзии. Рассмотрим, например, исследование А. В. Ильичева «Диптих А. А. Ахматовой «Городу Пушкина»: опыт интертекстуального и мифопоэтического анализа» [3, с. 119–127].

Интертекстуальные исследования поэзии Ахматовой со всей очевидностью обнаруживают то обстоятельство, что интертекстуальность ахматовских текстов — не только универсальное свойство всякого поэтического текста («Но, может быть, поэзия сама — // Одна

великолепная цитата»), сколько зримое воплощение индивидуально-поэтического мировидения поэта.

Диптих «Городу Пушкина» составлен из стихотворений, написанных в 1945 и 1957 годах. Конкретные исторические события общенационального значения неразрывно переплетены в них с личной судьбой поэта. Центральной внутренней темой диптиха является тема бессмертия духа, воплощенного в культурных ценностях. Более того, как покажет дальнейший анализ, именно поэзия оказалась способной превратить тленное в вечное. Эта тема развивается не только в самом тексте, но осуществляется через систему реминисценций и автореминисценций, что можно считать устойчивой особенностью поэтики Ахматовой.

Начать мы позволим себе с обобщения, сделанного М. М. Гиршманом и Э. М. Свенцицкой по поводу «царскосельского текста» в творчестве Ахматовой [2, с. 136]. Они обнаружили, что единство царскосельских стихов Ахматовой связано с постоянно повторяющимися мотивами: 1) мотив возвращения; 2) ситуация на грани жизни и смерти; 3) сцепленность личности с пространственными реалиями, имеющими не только жизненное, но и литературное значение.

И действительно, если исторические реалии первого стихотворения, созданного в 1945 году, заставляют думать, что речь идет о возвращении в разрушенное немцами Царское Село, то удивления достойно стихотворение, которое Ахматова написала в далеком 1910 году:

*На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.*

Это сопоставление обнаруживает, что тема Царского Села предстала в поэтической системе Ахматовой как мифопоэтическая модель, через которую она осмысляла последующие исторические события, связанные с ним. Очевидно, что удивительное совпадение изначально найденной формулы и событий истории не могли не породить пророческих ассоциаций. С другой стороны, обратим внимание на то, что Царское Село в этом стихотворении сразу возникает

как исчерпанная тема поэзии, намекая на двойное бытие этого места — в реальном пространстве и в пространстве русской поэзии.

Эпиграф из послания «Чаадаеву» (1821) Пушкина отсылает не только к пушкинской царскосельской теме, но и к ахматовской одновременно — и тот, и другой поэт свою юность провели в Царском Селе; и для того, и для другого воспоминания о нем — это возвращение в юность.

*Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.*

Пушкинское послание «Чаадаеву» поддерживает тему воспоминаний, причем в характерно пушкинском варианте — это не просто воспоминания о прошлом, но духовная опора в настоящем:

*Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?*

Но если лирический герой Пушкина живет надеждой на встречу, то у Ахматовой — «О, встреча, что разлуки тяжелее!..»

Зачин вызывает ассоциации с библейским стилем (см.: Матфей 11:21, 23:13–15, Лука 11:42:47). Оборот «О, горе мне» тематически прямо соотнесен с рефреном из Плача Иеремии («Я человек, испытанный горе...» (3:1), «горе нам...» (5:16), подключая текст Ахматовой к традиции плача по разрушенному городу, обнаруживая жанровую форму, на которую ориентирован диптих. Жанр плача подчеркивает и особенность временной структуры диптиха — тогда: теперь. Видя разрушенный Иерусалим, Иеремия вспоминает прежнее его величие и нынешнее разорение.

Мотив похоронного обряда по уничтоженному городу положен в основу «Царскосельских строк»:

*Пятым действием драмы
Ветет воздух осенний,*

*Каждая клумба в парке
 Кажется свежей могилой.
 Справлена чистая тризна,
 И больше нечего делать.
 Что же я медлю, словно
 Скоро свершится чудо?
 Так тяжелую лодку долго
 У пристани слабой рукою
 Удерживать можно, прощаясь
 С тем, кто остался на суше.*

Текстовых переключек мы тут не обнаружим, зато налицо переключки тематические — не только с первой частью диптиха (плач — тризна), но и со второй — чудо бессмертия города, мотив переправы через реку смерти. Это подчеркивает то обстоятельство, что поэт удерживает в сознании не только текстовые элементы, но и тематические блоки, связанные с определенным предметом описания, которые могут реализовываться в разном словесном оформлении.

Соотнесенность текста с плачем Иеремии выявляет в героине стихотворения пророческие черты — она еще в 1910 году видела этот город в саване, мертвым и немым, как перед концом света. Этот эсхатологический мотив, заданный в «Первом возвращении», нам еще пригодится.

Тема воспоминания о прежнем Царском Селе дана иначе. Через своеобразную звуковую автоцитату. Стихи построены на подчеркнутым аллитерировании звуков «р» и «л»:

*Здесь был фонтан, высокие аллеи,
 Громада парка древнего вдали
 Заря была себя самой алее,
 В апреле запах прели и земли,
 И первый поцелуй...*

Этот яркий звуковой образ сопровождается неожиданным словесным: «Заря была себя самой алее», подчеркивая трудно выразимую таинственную особенность этого пространства, запечатленную еще в 1911 году: «О, пленительный город загадок».

Апрельский запах прели и земли, вкуче с первым поцелуем, вводит автобиографическую тему — 25 апреля 1910 года Ахматова вышла замуж за Гумилева. А вот фонетическая автоцитация сопровождает появление другого героя.

Поэтическую загадку Ахматовой можно попытаться разгадать, припомнив раннее стихотворение, обращенное к Царскому Селу:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.*

Эти тексты объединяются как мотивом загадки, так и близостью аллитерационного хода, который в этом стихотворении может быть осмыслен. Прошлое оформлено через звук «р»:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов...
...Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.*

А настоящее — через звук «л»:

*И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов...
...Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...*

Кажется, что рокотание прошлого проливается в настоящее. Более того, вполне обыденные действия персонажа — отрок бродил, грустил, лежала его треуголка и том Парни — вдруг обретают статус вневременной ценности.

Загадка отгадывается просто: персонаж стихотворения — Пушкин, а собственно волшебные превращения творит пушкинская поэзия. Именно она способна обыденное превратить в чудо: шаги отрока слышны через столетие, а заря оказывается самой себя алее. Действительно, «Царскосельский воздух // Был создан, чтобы песни повторять». Надо думать, что собственную поэзию Ахматова в этом смысле воспринимает как продолжение пушкинской. Или иначе: дело, собственно, не в авторах, а в таинственной силе и власти их общей «смуглой» Музы.

Но долгим был путь к первой строке. Первоначально было: «Мой городок игрушечный сожгли», что, с одной стороны, корреспондировало с ранним — «А теперь я игрушечной стала, // Как мой розовый

друг какаду» (В Царском Селе, 1911), а с другой — придавало стихотворению сугубо личную окраску. Потом было — «Что делать мне? Они тебя сожгли!», по поводу чего Ахматова сама сказала: «Какая глупость! Какая глупая строка! «Что делать?» Когда город сожгли, тогда уже нечего делать. И вообще я не пожарный!... Нет. «О, горе мне! Они тебя сожгли». Только так». Вот тут и было гениально найдено библейское восклицание, в котором эпически совместились как личное горе, так и горе всего народа.

Темы, заявленные в интертекстуальном подтексте первой части диптиха, открыто звучат во второй.

Вторая часть диптиха открывается образом ивы. Конечно, мы обнаружим его и у Пушкина, хотя в целом для его поэзии этот образ отнюдь не характерен. Помимо «Медного всадника», мы находим его именно в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814):

*Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.
Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вокруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополем сплелась молодая ива
И отразилась в кристале зыбких вод;
Царицей средь полей лилея горделива
В роскошной красоте цветет.*

С другой стороны, именно ива стала героиней ахматовской поэзии:

Ива

И дряхлый пук дерев.
Пушкин

*А я росла в упорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.*

*И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.*

О том, что речь идет о Царском Селе, говорит эпитафия, взятый из незавершенного стихотворения Пушкина 1819 года «Царское Село»:

*Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злчных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блестящих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.*

Теперь можно сделать обобщение, связанное с тем, что в стихотворениях, посвященных Царскому Селу («Ива», «Городу Пушкина», «Наследница»), Ахматова выбирает пушкинские эпитафии, объединенные мотивом деревьев. Для нее он оказался связан с мотивом возвращенных воспоминаний. Более того, этот мотив важен как для Пушкина, так и для Ахматовой. И тот, и другой поэт возвращаются в юность как в другую эпоху.

Итак, образ ивы в поэзии Ахматовой связан и с воспоминаниями о царскосельской юности и, естественно, с мотивом поэзии, приобщенность к которой способна одарить бессмертием. Та ива, которая была воспета Пушкиным, сегодня превратилась в пень, но продолжает жить в поэзии самой Ахматовой.

Таким образом, Ахматова, опираясь и на тексты культуры, и на биографические факты как своей жизни, так и жизни Пушкина, соз-

дает в диптихе поэтический миф бессмертия культуры, запечатленный в слове. Именно поэтому, кажется, в ценностной иерархии поэтического мироздания Ахматовой высшую ступень занимает Слово, способное воплотить собою вечность:

*Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль,
И долговечней царственное Слово.*

Это подтверждает еще один контекст, связывающий первое и последнее стихотворение Ахматовой, обращенные к Царскому Селу — «Первое возвращение» (1910) и «Наследница» (1959). Если в первом: «Здесь все мертво и немо, // Как будто мира наступил конец. // Как навсегда исчерпанная тема, // В смертельном сне покоится дворец», то последнее может быть осмысленно как возражение:

*Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:
Фелицу, лебедя, мосты
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.*

Тема оказалась неисчерпаемой. Царское Село живо не только в своих архитектурных памятниках и парках, но и в своих поэтических воплощениях, ведь Фелица — это не просто Екатерина II, а героиня сочиненной ею сказки, героиня знаменитой оды Державина. Лебедь — это не только реальные лебеди, но и знак рождения здесь «смуглой» пушкинской и ахматовской Музы:

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,*

*Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.*

Лебедь — это и знак поэтической славы и поэтического бессмертия, так как соотносится не только державинским «Лебедем», но и «Царскосельским лебедем» В. А. Жуковского.

Таким образом, в «Наследнице» Ахматова создает образ Царского Села как символ всей постпетровской русской культуры, в которую она вписывает и себя, осознавая в связи с этим и свое собственное бессмертие, завершая великую традицию Золотого века русской поэзии.

Проводя аналогию с сонатной формой, можно сказать, что двухчастность диптиха (причем эта двухчастность, как правило, не в чистом виде), хотя и является в какой-то степени отказом от сонатной формы, тем не менее, главный смысл контрастного сопоставления в ней остается. Эта двухчастность производна, т. е. предшествует сонатной форме и в то же время является ее трансформацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. Эпос и роман / М. Бахтин // Вопросы и литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 447–483.
2. Гиршман М. «В Царском Селе» А. Ахматовой / М. Гиршман, Э. Свенцицкая // Русская словесность. — 1998. — № 2. — С. 21–26.
3. Ильичев А. Диптих А. А. Ахматовой «Городу Пушкина»: опыт интертекстуального и мифопоэтического анализа / А. Ильичев // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. — Симферополь, 2006. — Вып. 4. — С. 119–127.
4. Конен В. Театр и симфония / В. Конен — М.: Музыка, 1968. — 375 с.
5. Стоянов П. Взаимодействие музыкальных форм / П. Стоянов — М.: Музыка, 1985. — 268 с.
6. Цуккерман В. А. Анализ музыкальных произведений: Сложные формы / В. Цуккерман — М.: Музыка, 1984–214 с.

Перепелиця О. Джерела жанру «диптих» в еволюції двочастинної форми. Автор розглядає джерела жанру «диптих» у двочастинній формі. У статті йдеться про те, що двочастинна форма історично стала попередницею сонатної форми, несучи в собі контрастне зіставлення образних сфер частин. Критерієм розмежування контрастно-складеної та складної двочастинної форми стає міра незалежності частин, їхня здатність до самостійного існування. В контрастно-складеній формі — хай скільки послідовною та злитою вона буде — на перший план виступає самостійність контрастних складових

частин, їхня автономність, достатня взаємозалежність. У складній же формі — хай скільки вона буде внутрішньо контрастна і багатоскладна — домінує єдність, цілісність, підпорядкованість і зв'язок частин. Мистецтвознавчому аналізу піддаються як музичні, так і поетичні твори.

Ключові слова: інструментальний диптих, двочастинна форма, літературний образ, жанрова програма, інтертекстуальний та міфопоетичний аналіз.

Perepelytsia O. Origins of diptych genre in the evolution of binary form. The author examines origins of the diptych genre in the evolution of binary form. The article holds that binary form historically was a predecessor of sonata form by carrying the contrasting comparison of image spheres of two movements (parts). The independence of each movement (part) from another, their capacity for separate existence becomes a criterion for distinguishing contrasting compound form type from the complex binary form type. In contrasting compound forms — no matter how consistent and conjoint they may be — the independence of two contrasting movements, their autonomy, their considerable mutual independence are brought into the forefront. On the contrary, in complex forms — no matter how internally contrasting and multi-composite they may be — unity, integrity, collateral subordination and links between the movements are prevailing. In the article, both musical and poetry works are analyzed by the art study methods.

Keywords: instrumental diptych, binary form, literary character, genre programme, intertextual and mytho-poetic analysis.

